

Любовь, любовь, любовь—эти три понятия...
«Необыкновенный концерт»

I.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Странное слово «край»:
в нём таятся—земля,
отечество и некая грань
бытия.
Грань бытия—поворот,
грань бытия—перелом;
в новую жизнь вход
продавливается лбом.
Я стою на краю—
это мой родной край.
Здесь война: жизнь свою
выбирай.
Убежишь от войны—
убежишь от потерь.
Вот кровать у стены,
вот окно, а вот дверь.
Я всё так же стою,
как деревья стоят,
когда деревья растут,
видя закат.

II.

Нет у войны ничего,
что бы могло убедить
в пользе войны.
Стекло
можно легко разбить.
Или же разделить
на
«чужого» и «своего»
всех;
но, вернее всего,
никакого деления нет—
есть война,
несущая смерть.
Нет у войны ничего,
чтобы утешить живых;

сны их тревожные о
взрывах;
надежды их
зыбки,
как мартовский лёд,
незримы,
как рыбы зимой;
сердце к покою льнёт,
как к берегу льнёт прибой;
но раздаётся
вспых,
и оглушает
взрыв,
и замирает в живых
сердце,
покуда жив.

III.

Что я? и кто у меня за спиной?
Город, давно разорённый войной;
градом побитые школы, дома,
шахты, больницы, рынки, тюрьма...
Люди, уставшие воевать,
люди, которым безмерно плевать,
чья в том оплошность или вина—
в том, что идёт, не уходит война.

IV.

*Если к тебе во сне приходят все умершие
одновременно—это к обстрелу.*

Наблюдение

Война приходила в город
настойчиво и неожиданно.
Раздрабивал её молот,
но в жизнь мы впивались жадно.
Война приходила неожиданно,
как горе приходит неожиданно,
как сон погружает в омут
неимоверно-странно.
И для горя ещё не готовы,
и для счастья уже чужие,
мы подсчитывали основы,
которые низводили.
Мы подсчитывали потери,

мы привыкли считать потери,
мы привыкли к жизни из горьких,
до того непривычных материй.
Мы забыли, как трепетна роща,
что такое гулять по лесу;
мы забыли многое прочее,
и вспомним когда—неизвестно.
Мы забыли, как пахнет ветер
безмятежной апрельской ночью,
как звёзды за городом светят,
как звенящий покой непрочен;
мы забыли, как счастье недвижно...
как умершие забывают...
Мы, должно быть, стали им ближе—
это бывает.

V.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Странное слово «черта»,
я стою и стою,
может, давно не та,
какой себя сознаю;
может, давно—за чертой,
может, давно на душе
и на сердце у меня
непоправимо уже...
Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Страшное слово «АТО»,
ведь для кого-то я «враг»,
кто-то ведь верит в то
и ощущает так,
свято верит в свою
правду; мне ближе—моя,
которую сознаю.
«Правда»—грань бытия.

VI.

Хорошо сомневаться.
Сомневаться в упёртой своей правоте;
чтобы жить, не смущая пространства
в его кротости и немоте.
Чтобы вечность не плюнула в нас
из своей немоты,
нарушая своё постоянство
и терпения вечного гибкие эти черты.
Хорошо сомневаться.
Хорошо ощущать всеми фибрами
жизни тепло.

Словно солнце—не газ раскалённый,
а тихая гавань,
где поверхность воды отражает
восход, как стекло:
чуть лениво и плавно.
Хорошо, если звёзды на небе—
покой и уют;
словно это не взрывы
далёкого протуберанца,
а влюблённым усталым
венчальный вечерний приют.
Хорошо, когда есть с кем остаться,
с кем хотелось бы быть.
Хорошо сомневаться.
Хорошо кого-то любить.

VII.

Какое откровенье
рождается впотьмах:
как вдох—и изумленье—
надежд любовных крах.
Всегда светло «начало»,
приятно начинать;
затеять что попало,
не думать и не знать,
какое покаянье
окажется в конце,
когда любви сиянье
померкнет на лице...
Но не грусти заранее,
живи, гуляй пока
душа, как мироздание,
мгновенна и легка.

VIII.

*«Далёк ты от Бога»,—
твердит каждый камень.
Лорка*

Я у порога в притвор.
Толпы людей внутри.
В честь Богородицы хор.
Она говорит: «Говори».
«Светел твой омофор.
Ты источаешь свет.
Я у порога в притвор,
через порог ответь.
Я в глаза твои
не посмею взглянуть,
только спрошу о любви:
в чём суть?»
Голос хора умолк—
в гулкой тугой храмине
сквозь прихожан полк
она отвечает мне:

«Переступи порог.
Полон людей притвор.
Хватит для всех—широк
омофор».

IX.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Сладкое слово «любовь» —
этой планеты древней;
она возникает вновь —
и ты утопаешь в ней.

«Любить человека» — звучит
как целой жизни мотив;
бессменно, как сердце стучит,
как океана прилив;
как шторм корабли на дыбы,
поднимет тебя над собой,
на градус высокий судьбы,
и обернется судьбой.

X.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты...